

От ненависти *До любви*

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ
ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО
ВДВОЕМ ПРОТИВ ЦЕЛОГО МИРА

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Разработка серии *Ф.Барбьшева, А.Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф.Барбьшева*

Полянская, Алла.

П54 Встреча от лукавого : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-699-86006-7

Ангелина Яблонская, начальник отдела рекламы, в один отнюдь не прекрасный день нашла сомнительные документы со своей подписью. Но она ничего не подписывала! Она поделилась проблемой с коллегой и подругой Люсей, а в результате — публичный разнос от шефа и увольнение с позором! Казалось бы, хуже уже быть не может, но когда Лина вернулась домой раньше времени, она услышала из прихожей, как муж и свекровь обсуждают чьи-то похороны... ее похороны! Им давно приглянулась квартира Лины, а сама она только мешалась под ногами... Что ж, раз она все равно никому не нужна, Лина решила покориться судьбе. Она только оформила завещание на своего брата и его дочь — не оставлять же убийцам вождеденную квартиру! В назначенный день Лина влезла на крышу высотки и стала ждать киллера. И он появился! Но так случилось, что убивать ее он не стал. С этого момента и начались их общие неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Copyright © PR-Prime
Company, 2016**
© Оформление.
**ООО «Издательство «Э»,
2016**

ISBN 978-5-699-86006-7

Моя смерть назначена на сегодня, часов на пять.

Крыша теплая, несмотря на начало октября, и на ее черном фоне ярко выделяются желтые листья. Как они сюда попали, четырнадцатый этаж все-таки?.. Я села на теплый рубероид, оперлась спиной о кирпичный выступ воздуховода и стала ждать. У меня в запасе было полчаса.

Нет, можно сейчас куда-то бежать, суетиться, прятаться, но выглядеть это будет жалко и смешно. Когда нанимают убийцу, он в любом случае сделает свое дело, потому что у него нет к объекту ничего личного — это просто бизнес. Бегай не бегай...

Я посмотрела на город — даже если бы не было этих желтых листьев, даже если бы не видно было облетевших кленов на бульваре, я бы знала, что сейчас осень — по цвету реки. Она разная — весной и летом, а осенью и вовсе особенная, даже в солнечный день она очень синяя, нахмуренная, не то что летом. Хорошо бы сейчас пойти туда, побродить по песку, зайти в воду ненадолго — промочить ноги и чувствовать себя живой, до последней клетки живой и настоящей. Потому что впереди есть завтра, и это «завтра» длинное, на годы — оно все есть и есть, оно никогда не заканчивается.

Но сегодня — это сегодня. И никакого «завтра» уже не будет.

Никогда так хорошо не дышится, как за полчаса до смерти.

Нет, уже меньше.

Не могу сказать, что я не боец. Нет, я всегда умела постоять за себя. Но сейчас во мне словно что-то сломалось, и пришел покой. И мысль о том, что скоро придет конец, меня не особенно тревожит — я сижу, смотрю на реку и думаю о том, что сказал Гендальф насчет той стороны — серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и там будут белые берега. А за ними — далекие зеленые холмы под восходящим солнцем. Я представляла себе этот новый мир, в который я войду, и никуда не хотелось бежать. Все, что тревожило меня и причиняло боль, я оставлю здесь.

Ежедневная беготня за материальными благами — это глупо, так глупо! Вот сижу я на крыше и думаю о том, что не заберу с собой ничего. То есть вообще — ничего. Кроме воспоминаний, если предположить, что Гендальф сказал правду, хотя с чего бы ему врать?

Они решили, что избавятся от меня. В какой-то момент мне вдруг стало смешно — ну что они могут себе забрать, мою квартиру? О господи. Это мой муж, с которым я прожила пять лет, и его мать.

Я узнала об этом неделю назад. Как-то все быстро стало сыпаться, одно за другим — сначала я подала на развод. Наняла адвоката, заплатила ему и расслабилась — процесс будет идти без меня. Я хотела развестись давно, на то были причины, но решила только сейчас, потому что настал момент, когда удельный вес моего пофигизма стал меньше того, что приходилось терпеть. К этому все шло, и мы с Виктором оба это понимали, а потому он воспринял мое сообщение о грядущем расставании

с покорностью святого, смирившегося со своей судьбой. Мы договорились, что он проживет в моей квартире до развода, а тем временем найдет себе жилье. С его же стороны последовало обещание, что его мать перестанет к нам приезжать. Машину мы договорились оставить ему, он обещал выплатить мне половину ее стоимости. И хотя кредит погашала я, но это мелочи — плата за свободу. Адвокат покивал — что ж, это мое решение, он был настроен забрать в мою пользу совершенно все, Виктор ему явно очень не понравился. А я решила — пусть. Я все равно мало езжу на машине.

Решив все так, я успокоилась. Суд был назначен через две недели. Ничего особенного, другие люди тоже разводятся, это не трагедия. Виктор решил адвоката не нанимать, так что на суд он пойдет сам, а я считала, что мне это не нужно.

И все было неплохо — ровно до тех пор, пока через неделю после того, как из суда прислали бумагу, уведомляющую стороны, то есть нас с Виктором, о дате слушания, с легкой руки моей лучшей подруги меня не уволили с работы. Я пришла домой раньше, чем прихожу каждый день, и услышала разговор дражайшего супруга с не менее дражайшей свекровью, которая не должна была больше приезжать в мою квартиру в соответствии с нашими договоренностями. Но она сидела в моей гостиной, и они с Виктором деловито обсуждали, как нужно организовать похороны, когда полиция отдаст тело, и сокрушались, что все очень дорого, а оставить труп в морге тоже нельзя — соседи осудят, и родня не поймет, так что придется потратиться на приличный гроб... Я сначала подумала, что умерла свекровкина мать в Костроме, но она жила со своей второй дочерью, и хоронить ее, если что, будут там — да и с чего бы ее тело забирать из полиции?

А потом муж сказал:

— Ее брат приедет, вопросы будет задавать.

— Ну и скажем, что кто-то ее убил, пусть в полицию обращается. Он никто, какой-то компьютерщик! Поспрашивает, на том и сядет. Не бойся, сына. Смотри, как все удачно: мы и время знаем — после обеда, ближе к вечеру, подготовим алиби на всякий случай. А потом человек привезет фотографии трупа, и остальное тоже, я отдам ему остаток денег, и ты свободен. Изобразишь безутешного вдовца, а через пару месяцев забудешь все как страшный сон. Нельзя допустить развода, эта квартира не подлежит разделу, я узнавала. Ты останешься ни с чем.

— Мам... Это все-таки очень опасно.

— А что ты предлагаешь? Она разведется с тобой, и ты останешься на улице! Я, конечно, приму тебя, но зачем такие жертвы? Еще и деньги ей за машину заплатишь! А так — детей у вас нет, кому она нужна, чтобы копаться в ее смерти? Каждый день людей убивают, тоже мне — проблема. Нет, сына, не для того ты пять лет терпел ее, чтобы в итоге...

И я поняла, что это они о моих похоронах договариваются. А страшный сон — это я. Нет, ну нормально? Страшный сон, значит. В принципе, я и сама давно была не рада нашему сосуществованию, но чтобы такое? И ведь очень креативное решение, если вдуматься. Пожалуй, для моего мужа это отличный выход. Но мне отчего-то он не нравится. Мне отвратительно думать, что свекровь и муж будут трястись над каждой копейкой, и в итоге на моей могиле сиротливо забелеет фанерная табличка с надписью: Ангелина Яблонская, 28 лет, главная лузерша страны. В общем, я это услышала и, конечно, не обрадовалась.

Я минуту стояла в прихожей, замерев от удивления и ужаса. Потом попятилась к двери и выскочила на лестничную площадку, тихо заперев замок. Это я покупала замок — хороший, израильский, практически бесшумный, дверь тоже добротная — тяжелая, бронированная, обитая дубом, она открывается и закрывается с мягким, едва слышным щелчком. Я обустроивала свое жилье, не жалея денег, — ну, как же, мое собственное гнездо! Квартиру эту оставила мне бабушка — мать папы. У нас с братом разные отцы и, соответственно, разные бабушки, хотя они обе не делали между мной и Петькой разницы, принимая нас у себя. Но квартиру бабушка Маша все-таки оставила мне — родная внучка, единственная, опять же. И еще пополам с Петькой нам досталась старенькая дача постройки сороковых годов прошлого века, и брат получил старинные золотые дедовские запонки с бриллиантами, продав которые, он купил себе квартиру в Питере, потому что там у него была работа. А родня шепталась, что вот ведь Петька внук не родной, а Маша святая — его не обделила.

Мне эти разговоры были ненавистны, как и все, что родственники развели вокруг бабушкиных похорон, она, я знаю, ненавидела мещанские условности и всегда их высмеивала. Но что можно доказать этим людям, непонятным образом оказавшимся моими родственниками? Они понимают скорбь как нечто показное, как демонстративные слезы и черные траурные одежды — может быть, оттого, что на самом деле никакой скорби не испытывают, а вздыхают с постными лицами потому, что так «положено». Зачем они явились на бабушкины похороны, тоже было неясно, я забыла о них сразу же, как только они закрыли за собой дверь. Мне ни к чему эти незнакомые люди, кото-

рым плевать на бабушку, но очень хочется поучаствовать в тусовке.

Мы с Петькой горевали о бабушке Маше одинаково, потому что она и все, что связано с ней, — это было наше счастливое детство. Она сумела нам его организовать, Петька никогда не чувствовал себя «неродным внуком», хотя, конечно, фактически бабушка Маша была только моя. После ее похорон я моментально выбросила из дома всю родню, желающую порыться в бабушкиных комодах, и мы с Петькой стали осторожно разбирать ее платья, кофточки, шляпки и ридикули. И плакали, понимая, что вместе с бабушкой Машей ушло от нас что-то важное и настоящее. Счастье. И теперь мы уже не любимые внуки, а взрослые граждане, и в этой взрослой жизни у Петьки есть гангрена-жена, неведомо как им приобретенная, а я и вовсе пока бултыхаюсь, как есть. И больше никогда мы не увидим нашу бабушку Машу — веселую, заводную, в вечной шляпке, набекрень сидевшей на тщательно завитых кудрях. Это был худший день в моей жизни, все бабушкины вещи мы просто вывезли на дачу. Выбросить рука не поднялась. На даче бываем только мы с Петькой, да еще он дочку свою берет. По негласному нашему с ним договору ни мой супруг, ни Петькина жена Светка там не бывают. Тут не столько даже мы договорились, сколько так вышло, что наши «половины» оказались эмоционально ущербными, и наш домик не выдержит их присутствия. Он такой милый, построенный на берегу реки — в этом месте раздавали дачи ученым, а родители бабушки Маши как раз и были научными работниками в каком-то техническом институте. Дача находится в уютном дачном поселке всего в пяти километрах от города, мне туда ездить очень удобно, а

Петьке из Питера немного далековато, но он ездит. Там мы разжигаем мангал, жарим шашлыки, я возжусь с цветами, а Петька занимается немудреным ремонтом или уборкой на участке. Участок большой, полгектара, мы оставили там все, как было, — заросли сирени, клены, тропинку к берегу реки, огромную старую грушу. А на акации около дома гнездятся дикие голуби и гудят, гудят. И бабочки-адмиралы летают над цветами. Ну, разве можно туда привозить чужих?

Да и не понимают они ничего — мой Виктор был там однажды и, конечно же, взял с собой мать, которая обошла весь участок с инспекцией, раскритиковала бездарное, по ее мнению, использование земли, и они вместе стали планировать грядки с помидорами на месте кустов и клумб, пока мы с Петькой не прекратили это безобразие, причем в довольно резких выражениях. А Светка хоть и не была там, но я знаю, она сразу захочет превратить наш старый домик в нечто «модное», но мы этого позволить не можем — в домике все еще живет наше детство. Там до сих пор такой же запах, как был при бабушке Маше. И потому Виктор думает, что дача Петькина, а Светка — что моя. Поскольку Светка терпеть меня не может, а Виктор в первый свой приезд на дачу едва не получил от Петьки по морде, то в этот дом они не стремятся, и это есть великое благо. Я иногда думаю, что Виктор и Светка отлично подходят друг другу и надо бы их познакомиться.

Но дача есть дача, она чисто для души, а для обычной жизни у меня есть квартира, которую я превратила в нечто новое и красивое. Просто потому, что жить среди вещей, напоминающих о бабушке, я не могла. Хотя круглый стол и бабушкино трюмо я оставила.

И теперь ради этой квартиры мой муж решил меня убить. Потому что я подала на развод, а по закону он не может отобрать у меня половину.

Я тогда поднялась на крышу соседнего дома — точно так же, как сегодня. Был такой же день — но тогда сердце у меня колотилось, как бешеное. И я не знала, куда бежать, и собралась позвонить Петьке. А потом вдруг подумала — зачем? На этот раз, возможно, я смогу избежать смерти. И ради чего я стану жить? Работы у меня отныне нет, и, судя по тому, в чем меня обвинили, мне придется думать о том, чтобы менять специальность, город и планету. Муж... ну, даже если я сейчас пойду в полицию и они что-то предпримут, и я останусь в живых, где гарантия, что следующий супруг не окажется точно таким же? А там... Серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно. Гендальфу врать незачем.

И я пошла к нотариусу составлять завещание, внутренне ликуя, — просто представила вытянувшиеся рожи супруга и его маменьки, когда они узнают, что им ничего не досталось. Петьку убить у них кишка тонка, да и денег нет на нового киллера. Они и эти-то деньги небось одолжили в надежде заполучить мою квартиру. Им нет смысла Петьку убивать, потому что после него квартиру унаследует моя племянка Тонька. Вот так-то, граждане.

Нотариус, молодой симпатичный мужик, очень удивился, зачем мне понадобилось завещание. Конечно, рассказывать ему о планах мужа и свекрови, как и о своих собственных, я не стала — зачем? Он выслушал мои пожелания, очень простые и ясные, составил завещание, я пришла к нему на следующий день, подписала, и все. Пришлось потратить на это время, но дело того стоило. Я не стала спрашивать, как он узнает, что меня уже нет, и как найдет

Петьку, — но думаю, что есть какая-то система, не одна же я пишу завещание.

Я отчего-то совершенно не думала, что будет, когда придет время и убийца примется за дело. Как он это осуществит? Застрелит меня или собьет машиной? Лучше, если просто сбросит с крыши. Я полечу вниз, в последний раз ища взглядом реку, и расплескаюсь на асфальте, и прорасту травой — потом. Я навсегда останусь в городе около дома, где прошло мое детство. Прямо напротив этой новой четырнадцатизэтажки — старый бабушкин дом: три этажа, высокие потолки, огромные комнаты, камин в спальне, лепнина на потолке, и соседей немного. Ходили слухи, что дом снесут, но потом дело заглохло, и я этому радовалась. Так он и остался, мой дом — как зеленый островок среди бетонно-стеклянных высоток.

Если я сейчас нахожусь здесь, значит, меня просто сбросят вниз. Я сама сюда пришла — пусть хоть это станет моим выбором, раз нет другого. Наверное, будет больно — какой-то миг, но для этого есть таблетки, я напилась их достаточно, чтобы не переживать о боли. Я думала, что не боюсь, но все-таки немножко боюсь. И только мысль о том, какую свинью я приготовила своему мужу и его мамаше, греет мне душу. Ведь они понятия не имеют, что есть завещание! Боже, все бы отдала, чтобы посмотреть на их лица, когда... А может, и посмотрю. Оттуда.

А сейчас позвоню-ка я Петьке, чтобы услышать его еще раз. У меня, кроме него, никого больше нет.

— Привет.

— Привет, Лина. — Петькин голос на фоне компьютерного писка такой знакомый. — Как дела, сестренка?

— Ничего, дышу.

И это правда. Все, что я могу сейчас о себе сказать правдивого, вот эта фраза. Лгать я не люблю.

— А ты как, Петь?

— Да как обычно.

Как обычно — это работа, а дома — Светка, которая ни готовить, ни прибраться, ни за ребенком последить не способна, зато пасть у нее никогда не закрывается, и то, что из этой пасти несется, отнюдь не великосветские разговоры, чтоб вы понимали.

— Снова поцапались?

— А у нас по-другому не бывает.

— Так брось ее к чертям, Петь!

— А Тонька? Она мне назло ее не отдаст.

Это наш обычный разговор. Все дело в Тоньке, которую Петька любит больше жизни, и которую Светка ему, конечно, не отдаст — не потому, что ей нужна «проклятая спиногрызка», как она ее называет. Нет, она ее не отдаст, чтобы досадить Петьке. Мы оба это знаем, но мне хочется все-таки изменить статус-кво, и ничего другого, кроме как толкнуть Светку под трамвай, мне в голову не приходит.

— Ладно, сестренка, что-то придумаем. Тут подвижки наместились, потом расскажу, сейчас рано. Ты к бабуле давно ездила?

Бабуля — это мать Петькиного отца, бабушка Валя. Летом она всегда подхватывала эстафету нашего с Петькой воспитания из ослабевших рук бабушки Маши, и мы охотно ехали в Домоткань — там у бабушки Вали старенький домик, она держала тогда вполне ухоженное хозяйство. Сейчас мы ездим к бабуле как можно чаще: хозяйства уже нет, и сил у нее все меньше, но переезжать ни к кому из нас она не хочет — ей не по душе ни Виктор, ни Светка.

— Две недели назад ездила. Ничего, она у нас молодцом, Петь. Козу держит, кошка имеется, и щенка ей кто-то подарил, чтоб не скучно было. Правда,

щенок совсем крохотный, но он вырастет. А позавчера я денег ей послала — мало ли, что-нибудь понадобится, какая там пенсия.

— Молодчина. Я тоже вчера послал, а в субботу мы с Тонькой к ней поедem. Я ей платок пуховый купил, и сапоги на зиму повезем.

— Привет передай.

Не знаю, как бабуля переживет мою смерть. И Петька тоже. Зато он сможет бросить Светку и жить в моей квартире, а это плюс. Всегда есть плюс, главное — его найти.

На крышу рядом со мной легла тень — ну, вот и все. Я подняла голову — высокий мужик, очень крепкий на вид, с лицом, словно специально слепленным так, чтобы его невозможно было запомнить. Надо же.

— Ладно, Петь, мне пора. Люблю тебя.

— И я тебя люблю, сестренка. Увидимся.

Конечно, увидимся. Я верю, что люди, любящие друг друга, увидятся на той стороне — совсем скоро я увижу бабушку Машу. И это очевидный плюс, один из... Только убийца мне попался какой-то очень неприметный. На меня напал смех — ну, до чего же смешно! Я думала, что убийца будет какой-то такой... ну, как Бандерас в триллерах или хотя бы как Сталлоне — лет двадцать назад. А этот... ну, никакой. Хотя фигура неплохая.

— Что смешного?

Как-то неудобно ему сказать, что я ждала более красочного персонажа. Я сейчас умру, и мне будет все равно, а его это, наверно, ранит. Он будет об этом думать, и у него разовьется комплекс... боже, как смешно!

— Извините. Нет, ничего. Вы меня с крыши сбросите?

— Такой был план.